

Володин Сергей Филиппович

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет им. Л.Н. Толстого»

г. Тула, Тульская область

ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ РАБОТНИКОВ ТУЛЬСКОГО ПАТРОННОГО ЗАВОДА В 1930-е гг.

Аннотация: в статье на примере Тульского патронного завода рассматриваются вопросы социальной поддержки семей в тридцатые годы. Как показывает автор, руководство предприятия, заводские общественные организации осуществляли целый комплекс мер по поддержке семей. Несмотря на многие острые проблемы, характерные для этого времени, работницы получали необходимый уровень защиты своих трудовых прав, им обеспечивался определенный объем социальных благ, столь необходимых в это время для поддержки семейного образа жизни.

Ключевые слова: социальная поддержка, Тульский патронный завод.

В современной историографии, посвященной социальной политике советского периода, не уделяется должного внимания практике социальной поддержки людей на уровне промышленных предприятий [24]. А между тем именно через советское предприятие осуществлялись практические меры социальной поддержки населения, в том числе семей работников. Это касалось поддержки женской занятости, обеспечения особых трудовых прав женщин, получения доступа к жилью, услугам здравоохранения и т. д. В предлагаемой статье ставится цель проанализировать опыт социальной поддержки семей в 1930-е гг. на примере мер, предпринимаемых в этот период на Тульском патронном заводе (ТПЗ) по ряду важных направлений.

Вовлечение в патронное производство женщин стало первоочередной задачей в годы первой пятилетки. Ставилась цель по доведению количества женского труда в ТПЗ до 53% к 1932 г. В самом деле, в начале пятилетки, в ТПЗ

насчитывалось до 126 рабочих мест, которые желательно было заполнить женщинами. Речь даже шла о таких профессиях, как токарь, слесарь, строгальщик, фрезеровщик и др. Конечно, не все руководители благожелательно откликнулись на это веление времени. Как указывал один из администраторов цеха, «женщины – плохой кадровик, она пользуется 4-х месячным отпуском, ходит в ясли, освобождается по болезни ребенка и т. д.» [10]. Тем не менее, вовлечение женщин в промышленное производство продолжалось. К весне 1932 г. уже 38% всего количества рабочих завода составляли женщины. Так, в первом токарном цехе доля женщин в общем составе рабочих достигла 30%, занятых по обточке, фрезеровке, подноске, уборке. Хотя эти цифры и не соответствовали плановым, изменения были налицо. В течение 1931 года доля женского труда в ТПЗ увеличилась почти на десять процентов. На квалифицированную работу было передвинуто 393 работницы, и еще 221 находились в процессе подготовки к этому [11]. В подготовленном коллективном соглашении 1932 г. дирекция обязывалась принимать женщин по специально подготовленному списку профессий, для чего предполагалось задействовать краткосрочные курсы подготовки, в том числе заполнения определенных должностей только женщинами. К 1 января 1933 г. женский труд в рабочем коллективе завода составил уже 45% [13]. Повышалась трудовая квалификация женщин. Если на 1 января 1932 г. количество работниц первых двух разрядов составляло 74,8%, то к 1 января 1933 г. это количество уменьшилось на 11%. Зато произошло увеличение в третьем разряде на 4,8%, в четвертом – на 5,6% и с пятого по восьмой разряд – на 0,6% [13]. Нельзя не упомянуть и о серьезных мерах правительства по поддержке женской занятости в годы второй пятилетки. 5 октября 1936 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «Об уголовной ответственности за отказ в приеме женщин на работу и за снижение им заработной платы по мотивам беременности» в соответствии со ст. 9 раздела II постановления ЦИК и СНК Союза СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания

за неплатеж алиментов и некоторых изменения в законодательстве о разводах» [20].

Немаловажной стороной «женского вопроса» на производстве являлась защита женщин от укоренившихся бытовых паттернов маскулинного поведения, приемлемости грубого отношения к женщинам. В этой связи важную функцию защиты моральной неприкосновенности личности работниц должны были выполнять заводские общественные организации, призванные ограждать женщин от подобного поведения. Так, мастер Кобяков не только проявлял обычную словесную грубость, но и позволил ударить работницу. Это факт освещался в стенгазете, партячейкой мастеру-грубияну был вынесен выговор. Вместе с тем, отмечалось в заводской газете «Молот», профсоюзная организация никак не реагировала на такое поведение распоясавшегося мастера, и автор заметки требовал обозначить ее позицию [4].

В связи с ростом женского труда на заводе необходимо было наращивать социальную поддержку материнства. Да, детские ясли патронного городка, организованные еще в 1921 г. (с наполнением в 117 чел.), были одними из лучших в г. Туле., но их явно не хватало. Лишь к концу первой пятилетки, согласно коллективному договору, предполагалось достроить детские ясли на 200 чел. в одну смену вблизи завода. К 1 сентября 1932 г. построить помещение под детский сад и к 1 октября того же года – помещение еще для двух яслей [12]. В сентябре 1936 г. завод, вложивший свыше 800 тыс. рублей в это дело, окончил строительство и оборудование образцовых яслей на 120 человек, состоявших из более 60 комнат для шести возрастных групп. Теперь во всех яслях завода воспитывались свыше трехсот малышей [18; 19]. Естественно, ввод в строй образцовых детских яслей вызвал к жизни вал благодарности со стороны работниц завода. «В новых яслях, – отмечала одна из них, – все, от маленьких скамеечек до цвета окраски стен, сделано с таким расчетом, чтобы детям было уютно, удобно и весело» [19].

Проблемы улучшения системы здравоохранения в годы первой пятилетки не были в числе первоочередных. Лишь к началу второй пятилетки в рабочем

поселке началось возводиться финансируемое заводом здание больницы. На территории завода должны были разместиться два здравпункта, а также кабинет для проведения диспансеризации рабочих вредных цехов. Тогда же в поселке начала внедряться система диспансерного учета, когда местное население разбивалось на отдельные участки с ответственным врачом. По-прежнему необходимым элементом охраны здоровья рабочих предприятия, как и в более ранние годы советской власти, являлся санпросвет. Так, врач ТПЗ И. Д. Феофилов настойчиво призывал (в свете опасности распространения болезнетворных микробов и зародышей глистов) к отказу использования общей посуды, в частности общей кружки [9]. Заводская газета «Молот» также поднимала важную проблему нелегальных абортов, иногда приводившим к смертельному исходу. А именно так это произошло в практике местной повитухи Камаевой, у которой вместо медицинских инструментов фигурировала, как значилось в протоколе, «желтого цвета резиновая и грязная трубка» [3]. Нужно отметить, что вопросам охраны женского здоровья отводилось должное внимание в коллективном договоре. В частности, к ночным и сверхурочным работам не допускались женщины, не достигшие 18-летнего возраста, беременные и кормящие грудью [12]. Да и на практике заводская общественность крайне негативно относилась к фактам бездушного отношения к роженицам [23].

Важной стороной семейного благополучия является наличие адекватного жилья, однако именно в тридцатые годы страна переживала острейший жилищный кризис. В ТПЗ многие рабочие жили в бараках и неблагоустроенных жилых помещениях в рабочем поселке им. Томского (позже переименованном в им. Кирова), а также несколько позже – в поселке им. XX лет РККА. В них проживали и рабочие ТОЗа, вместе до восьми тысяч человек. Этого жилья катастрофически не хватало. Так, в 1929 г. заводом было построено лишь два жилых корпуса, в 1930 г. было намечено построить пять, но в 1931 г. из них было заселено только два. В 1931 г. по коллективному договору завод строил лишь семь домов, каждый на 24 квартиры и один для техперсонала, соответственно в 1932 г. – пять корпусов. Кроме домов возводились стандартные бараки для самих строителей.

Например, в 1932 г. таковых планировалось десять. При этом ввод жилья, как и раньше, существенно задерживался из-за отсутствия необходимых материалов и рабочей силы [5; 6]. Рабочий поселок страдал от перебоев доставки воды, отсутствия в ряде домов центрального отопления, дефицита торговых точек, а также столовой для семей рабочих. Вот как описывал корреспондент заводской газеты «Молот» создавшуюся ситуацию: «Семьи рабочих вынуждены готовить себе пищу на игрушечных плитах, и если на кухне сойдутся одновременно 3–4 хозяйки (а оно так и бывает), то представляете себе, какой кошмар творится на кухне: на плите 15 котелков, над ними висят пеленки, носки, кальсоны и всякая другая прелесть и около плиты 3–4 домохозяйки» [7]. Санитарное состояние помещений, коридоров и лестниц, согласно обследованию комиссии парткома завода, находилось в неудовлетворительном положении. Собственно территория поселка была засорена различным строительным материалом, парковая зона поселка подвергалась «варварскому» отношению, а переполненные выгребные ямы распространяли зловоние по поселку. В этих условиях парткомиссия рекомендовала обеспечить своевременный пуск теплоцентрали, а также дополнительной скважины воды, чтобы обеспечить необходимое давление в водопроводе. Рекомендовалось провести необходимый ремонт домов, перевести детский очаг в корпус, находящийся в процессе отепления, улучшить внешний вид поселка [8]. В 1932 г. в поселке планировалось баню-прачечную с пропускной способностью до 600 человек, а также два общественных туалета [12]. Понятно, что жилищное строительство и соответствующее развитие коммунального хозяйства требовало постоянного внимания. Узким местом оставались бараки и общежития завода, нуждающиеся в постоянном поддерживающем ремонте, в решении проблем с освещением и отоплением. Недаром Правительство СССР констатировало, что «существующая практика жилищного строительства во многих случаях не соответствует росту культурного уровня и потребностей широких масс трудящихся» и требовало установить, что «при осуществлении жилищного строительства в первую очередь должны проводиться работы по водоснабжению, канализации, подводке электроэнергии, устройству дорог к застраиваемому участку и работы

по замощению и освещению улиц» [15]. Соответственно в годы третьей пятилетки жилищное строительство на заводе расширилось.

Неприглядной стороной поселковой жизни был нездоровый быт, нередко практикуемый в том числе криминальным элементом, вольготно чувствующем себя в рабочем поселке. Вот типичные зарисовки явления. «В квартире №1, корпуса №12 проживает некий Технерядко, который своими угрозами и побоями терроризирует всех квартирантов. Он нигде не работает.... Неоднократные суды над ним, как он сам заявляет, на него не действуют. Он и сейчас скрывается от отбывания 8 месяцев принудительных работ...» [17]. «В прессовой мастерской есть рабочий Федор Быков, проживающий в рабочем поселке имени Томского, корпус №13. Живет уже год, и редкий день пройдет, чтобы он не подрался с женой. Почти ежедневно пьяный, он скандалит с женой, пугает детей, не дает покоя соседним по комнатам семействам» [2]. Не лучше обстояли дела на улицах поселка. «Вот в выходной день подгулявшие парни, рассорившись, начинают угощать друг друга изрядными порциями тумаков, и, глядишь, один растянулся прямо на асфальтовом тротуаре, раскинув руки и ноги... другой сел на тротуаре, прижавшись спиной к стене корпуса и спустив буйную головушку, храпит в этой неудобной позе, третий свалился в сквере. Дикие нравы. Жалкий быт» – заключал автор заводской малотиражной газеты, видя в этих явлениях отголоски старрой, растеряевской Тулы [16]. Именно в такой атмосфере произошло убийство работника завода и комсомольского активиста Чайки при посещении им знакомых девушек, проживающих в заводском общежитии. «Он подошел спокойно к бараку, на крыльце его встретила пьяная хулиганская кампания, и ни слова не говоря начала избивать тов. Чайка. Тяжело избитый, он еле двигался, тогда один из самых отъявленных хулиганов, бандит В. Пастухов выхватил финский нож и смертельно ранил тов. Чайка. Кто они, эти хулиганы и преступники? Они рабочие нашего завода, молодежь...» (шесть человек – С.В.) [22]. Представители комсомольской организации первого цеха, где работал Чайка, заключали с характерной экспрессией этого времени: «Жилсектор завода, его руководители очень много болтают об организации порядка в общежитиях, но мало делают.

Хулиганство, пьянство, картежная игра – нередкое явление в бараках. Вместо решительной борьбы с этим злом, коменданты жилсектора бездельничают, берут взятки, пьянствуют вместе с хулиганами.... Жилсектору и его руководителям от пустой болтовни пора перейти к настоящей организаторской работе в каждом бараке, в каждой общежитии» [22].

Устойчивой проблемой в 1930-е гг., требующей постоянного внимания всех органов завода, оставался вопрос рабочего снабжения. Институт закрытых рабочих кооперативов был призван обеспечить преимущественное положение рабочих в этом отношении. Заводской ЗРК заключал договоры с колхозами и совхозами на доставку овощей, при нем был организован свинарник на 400 голов. В заводских столовых рабочие получали горячие обеды, и важно было вести постоянный надзор как в отношении соблюдения норм закладки продуктов, так и санитарного состояния пунктов общественного питания. Так, проверка парткомом завода состояния доварочной кухни по самоварному цеху (апрель 1934 г.) выявила и случаи недодачи порций мяса, и низкий уровень санитарного состояния кухни (грязь на полу, загрязненность котлов и т. д.). В связи с этим бюро парткома завода потребовало в шестидневный срок устранить вскрытые на кухне столовой недопустимые факты, ввести строгую систему отпуска продуктов, применить самые строгие меры (вплоть до судебной ответственности) за факты обвешивания – недодачи порций рабочим [14]. В самом деле, качество обедов от «недокладки» продуктов снижалось. Рабочие жаловались на низкое качество обедов, однообразное меню, чаще всего состоящего из капусты.

Укреплению женского вклада в жизнь советской промышленного производства во второй половине тридцатых годов в немалой степени содействовало движение жен ИТР и хозяйственников. Совет жен ИТР функционировал и в ТПЗ. И хотя он сразу же попал под острую критику из-за включения в свой состав «чуждых элементов», как тогда говорилось, то есть жен и родственников троцкистов, белогвардейцев, торговцев и др., все же совет жен ИТР активно стал заниматься культурной жизнью завода. В частности, секция ликбеза совета проводила работу с малограмотными домохозяйками. Ответственная от совета жен

контролировала работу заводской фабрики-кухни, добилась отмывки восьми не-луженых котлов, наведения должной чистоты на кухне. Понятный авторитет жен ИТР помог их шефской работе над общежитием бывших беспризорников. Сюда привезли новые кровати, усилили электрическое освещение и провели радио. Активно работала дошкольная секция совета [21]. В этот же период была попытка организовать культурное движение жен стахановцев, однако они явно не обладали возможностями жен ИТР. Со слов жен стахановцев, прозвучавших в ТПЗ, явствовало, что им не до общественно-культурной работы. На стандартный вопрос «В театр, в клуб ходите?» одна из них, Гастева, бесхитростно отвечала: «Нет никуда не хожу, некогда, молодежь моя ходит, а мне приходится много работать по хозяйству, выходных дней не бывает... Надо же мне получше питать, получше приготовить» [1, л. 6]. Все они радовались хорошим заработкам мужей, и чувствовали свою ответственность за поддержание семейного уюта.

Таким образом, на примере Тульского патронного завода мы прослеживаем важные свойства советской социальной политики. Меры социальной поддержки, в том числе в отношении семьи, как они закладывались в тридцатые годы, в большой мере осуществлялись через тесную связь с производством. Конечно, на этом пути были свои издержки, как тогда говорили, «высокие накладные расходы». Но здесь необходимо иметь в виду, что советская индустриальная община с ее социальным патернализмом была необходимым историческим феноменом при решении задач форсированной индустриализации.

Список литературы

1. Государственное автономное учреждение «Государственный архив Тульской области» (ГАУ ГАТО). – Ф. 3. – Оп. 3. – Д. 238.
2. Молот (Орган парткома, завкома и дирекции Тульского патронного завода). – 01.12.1929.
3. Молот. – 02.01.1930.
4. Молот. – 1931. Третья пятидневка апреля.
5. Молот. – 30.09.1931.
6. Молот. – 07.11.1931.

7. МОЛОТ. – 24.11.1931.
8. МОЛОТ. – 28.11.1931.
9. МОЛОТ. – 18.12.1931.
10. МОЛОТ. – 12.02.1932.
11. МОЛОТ. – 08.03.1932.
12. МОЛОТ. – 14.03.1932.
13. МОЛОТ. – 08.03.1933.
14. МОЛОТ. – 26.04.1934.
15. МОЛОТ. – 27.04.1934.
16. МОЛОТ. – 10.09.1934.
17. МОЛОТ. – 19.09.1934.
18. МОЛОТ. – 30.09.1936.
19. МОЛОТ. – 02.10.1936.
20. МОЛОТ. – 10.10.1936.
21. МОЛОТ. – 20.11.1936.
22. МОЛОТ. – 24.03.1937.
23. МОЛОТ. – 26.06.1937.

24. Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова (Из библиотеки Журнала исследований социальной политики). – М.: Вариант; ЦСПГИ, 2008. – 376 с.